

УДК 008: 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

Субкультурная революция 1968 года в контексте цивилизационной динамики модерна

Трунов А.А.

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а
trunovv2013@yandex.ru

Аннотация. Предпринята попытка синхронизации и теоретического осмысления «феномена 1968 года». На основе сравнительного анализа событий в США, Германии, Франции, Италии и Японии сделан вывод о том, что глобальная революция 1968 года носила неклассический, многовариантный, диффузный характер. Основным коллективным субъектом революционной динамики являлись представители радикально настроенных молодёжных субкультур, которые выступали против капитализма и матриц дисциплинарного контроля позднего индустриального общества. Идеология революции 1968 года была эклектичной и диффузной. Романтики, бунтари и лидеры мнений довольно хорошо понимали то, против чего они ведут свою борьбу. Гораздо хуже обстояло дело с позитивной программой изменения позднего индустриального общества. Революция 1968 года закончилась поражением, однако её долговременные цивилизационные последствия, которые проявились в субкультурной эрозии ценностей и институтов зрелого модерна, мы ощущаем до сих пор.

Ключевые слова: молодёжь, субкультуры, капитализм, позднее индустриальное общество, идеология, протест

Для цитирования: Трунов А.А. 2023. Субкультурная революция 1968 года в контексте цивилизационной динамики модерна. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 803–811. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

The Subcultural Revolution of 1968 in the Context of the Civilizational Dynamics of Modernity

Anatoly A. Trunov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russian Federation
trunovv2013@yandex.ru

Abstract. The article attempts to synchronise and theoretically comprehend the "phenomenon of 1968". Based on a comparative analysis of the events in the USA, Germany, France, Italy and Japan, it is concluded that the global revolution of 1968 had a non-classical, multivariant, diffuse character. The main collective subject of the revolutionary dynamics was the representatives of radical youth subcultures, who opposed capitalism and the matrices of disciplinary control of late industrial society. The ideology of the 1968 revolution was eclectic and diffuse. Romantics, rebels, and opinion leaders understood quite well what they were fighting against. Far worse was the positive program of change in late industrial society. The 1968 revolution ended in defeat. But its long-term civilisational consequences, which manifested themselves in the subcultural erosion of the values and institutions of mature modernity, are still being felt today.

© Трунов А.А., 2023

Keywords: youth, subcultures, capitalism, late industrial society, ideology, protest

For citation: Trunov A.A. 2023. The Subcultural Revolution of 1968 in the Context of the Civilizational Dynamics of Modernity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 803–811. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-803-811

Введение

1968 год стал переломным в жизни Европы, США, СССР, да и, пожалуй, целого мира. Однако отношение исследователей к событиям 1968 года трудно назвать однозначным. Нередко учёные вынуждены делать выбор между до крайности упрощёнными антиномиями: «то ли это была настоящая мировая революция, то ли легкомысленное культурное приключение буржуазной молодёжи» [Hendrickson, 2018, p. 1]. В.П. Римский и представители его научной школы при анализе событий 1968 года предлагают использовать концепт субкультурной революции [Аббасов, Римский, 2018]. Этот концепт действительно обладает большим эвристическим потенциалом, поскольку позволяет рассматривать субкультуры, способные радикально ставить вопросы о власти, обладающие проектным и креативным мышлением, волей к социальному действию, в качестве основных инициаторов и субъектов революционной динамики.

Не менее важно изучить не только 1968 год, но также и те события, которые ему предшествовали и за ним последовали, выявив общее и особенное, глобальное и локальное, закономерное и случайное, системное и субъектное, теоретически возможное и реализованное на практике [Пленков, 2023; Bertelsen, Rio, 2019; Brown, 2014; Derluguian, 2020; Gilcher-Holtey, 2008; Hendrickson, 2018; Hewlett, 2018; Müller, 2002; Sedlmaier, Malinowski, 2011].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы охарактеризовать то влияние, которое революция 1968 года оказала на динамику позднего модерна. В основу методологии исследования положены компаративный, цивилизационный и морфологический подходы.

Гипотеза исследования. Мы исходим из предположения о том, что революция 1968 года носила неклассический, многовариантный, диффузный и субкультурный характер. И именно этим она принципиально отличалась от классических революций эпохи модерна.

В качестве основных причин классических революций раннего и зрелого модерна представители марксистской традиции обычно называют фундаментальное противоречие между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Революции действительно являются тараном истории. Капитализм постоянно расширяет свои границы, устраняя всё, что стоит у него на пути, а амбициозные буржуа выступают своеобразными революционерами поневоле [Трунов, Рындин, 2020]. Не меньшую популярность имеет концепция относительной депривации, суть которой заключается в том, что в результате экономического кризиса происходит резкое снижение привычного уровня потребления, что вызывает массовые протестные настроения [Гарр, 2005]. Люди бунтуют, когда их надежды терпят крах.

Однако применительно к ситуации 1968 года эти объяснительные модели не работают. В период с 1945 по 1975 год экономика Западной Европы, США, Японии стремительно развивалась. Были успешно решены многие социальные проблемы. Сформировался средний класс, который получил немалую долю общественных благ. Были созданы различные варианты государства всеобщего благосостояния. Угроза умереть от голода, холода или нищеты в странах ядра капиталистической мир-системы модерна превратились в химеру. Были успешно преодолены последствия Второй мировой войны. Показателем всех этих позитивных изменений стало резкое увеличение рождаемости.

По сути, послевоенное поколение, представляющее преимущественно средние слои населения, получило такие экономические возможности, о которых их предшественники могли только мечтать. О.Ю. Пленков пишет о том, что отличительным признаком экономики рассматриваемого периода «были невероятно высокие и устойчивые темпы развития Запада, достижение полной занятости населения – совершенно беспрецедентные до этого и до сих пор» [Пленков, 2023, с. 12]. Однако сытая послевоенная жизнь так и не стала прививкой от распространения революционных идеологий и желания изменить существующее общество. Революция 1968 года является очередным подтверждением известной евангельской истины о том, что «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4:4).

Революционные события 1968 года и молодёжь

Попытаемся взглянуть на предпосылки формирования революционной ситуации 1968 года с несколько иной стороны, обратив внимание на молодёжь. В событиях 60–70-х годов прошлого века её роль была исключительно велика. «В 68-м молодёжь именно в глобальном масштабе впервые проявила себя в качестве социальной группы. До этого молодые люди, конечно, играли важную роль в революциях и войнах, но в них молодые люди не выступали от своего имени» [Пленков, 2023, с. 69]. Особое внимание нужно уделить студенчеству, которое как раз в это время начало обретать свою субъектность. Студенты всегда отличались нонконформизмом и радикальностью взглядов. Однако система их социализации в обществах раннего и зрелого модерна была устроена так, что значительная часть студенчества либо пополняла ряды правящего класса, навсегда забывая о своём былом радикализме, либо становилась его интеллектуальной службой.

Причина активного участия молодёжи в событиях революции 1968 года нам видится в том, что после Второй мировой войны количество студентов резко увеличилось (в среднем в 3–4 раза), а вот система университетского образования осталась прежней. Поэтому радикально настроенные студенты протестовали против архаичной системы образования, активно выступали против начётничества и морального угнетения со стороны «нафталиновых профессоров», которые превратились в особую касту носителей власти и полностью игнорировали реальные потребности студентов. Даже те, кто позднее подавлял революцию, так или иначе признавали, что основные претензии студентов и молодых преподавателей к существовавшей в то время системе высшего образования, засилью геронтократии и университетской бюрократии не были такими уж безосновательными. В этой связи уместно привести слова великого Ш. де Голля: «Мы даём людям возможность выбирать любую специальность и не хотим понять, что в амфитеатрах сгрудились люди, которым там нечего делать. Многие не могут дойти до конца. Они сидят на одном курсе по два-три года. Сроки обучения безмерно растянуты» [цит. по: Пленков, 2023, с. 294].

Удивляет здесь именно то, что проблемы, которые, по идее, не должны были выйти за пределы лекционных аудиторий или студенческих кампусов, неожиданно нашли массовую поддержку (хотя, конечно же, далеко не везде). Например, во Франции студенческие волнения «красного мая» 1968 года практически слились с массовыми демонстрациями, в которых приняло участие почти всё трудоспособное население страны, составлявшее на тот момент 10 миллионов человек. «Широкая массовая мобилизация подразумевала, что более одного из пяти жителей Франции участвовало в протестах, которые распространились на все слои общества» [Bertelsen, Rio, 2019, p. 625]. Однако в более консервативной Германии студентам так и не удалось раскачать маятник общественных настроений и вывести на улицы своих потенциальных сторонников [Brown, 2014]. Даже на пике волнений в Федеративной Республике Германия в демонстрациях принимали участие 53 % студентов и 5 % неакадемической молодёжи. При этом студенты и старше школьники в Германии составляли 10 % (или 300 тысяч человек) от общего количества молодёжи [Пленков, 2023, с. 343].

Синхронность, диффузность, глобальный контекст

Ещё один момент, на который также стоит обратить внимание, заключается в своеобразной синхронности революционных событий. По этому показателю события 1968 года можно сравнить с событиями знаменитой Весны народов 1848–1849 годов, благодаря которой, собственно, и стал возможен последующий триумф капитализма и модерна [Мизеров, 2022]. И хотя классические европейские революции 1848–1849 гг. потерпели поражение, они оказали значительное влияние на последующий демонтаж основных институтов и эрозию базовых ценностей Старого порядка. Силы реакции ради сохранения господствующих позиций частично восприняли и реализовали программу революции 1848–1849 годов, добившись критически важных и необратимых изменений. Несколько хуже изучена мировая революционная волна 1918–1923 годов, которая способствовала не только возникновению СССР как альтернативного антибуржуазного варианта цивилизации модерна, но и появлению фашистских и нацистских режимов как её главных антиподов [Шубин, 2020]. При этом силы фашистской и нацистской реакции в Западной Европе оказались настолько сильны, что были уничтожены практически все позитивные достижения модерна. Ситуацию исправила только Вторая мировая война. Однако и эта революционная волна оказала определённое воздействие на революцию 1968 года.

Синхронность событий 1968 года также говорит о некоей взаимосвязи революционных процессов, хотя никакого единого «руководящего центра», который занимался бы координацией и управлением протестными движениями по типу Коминтерна, не существовало. В качестве такого центра могла бы выступить Коммунистическая партия Советского Союза. Однако её номенклатурным выдвиженцам было совсем не до мировой революции. Чтобы закрыть эту тему, отметим крайне вялую и выжидательную позицию руководства СССР, для которого революционные события 1968 года стали неожиданностью и серьёзной проблемой. Да и ввод советских вооружённых сил в Чехословакию был серьёзной ошибкой. Это резко снизило число сторонников Советского Союза за рубежом.

Если обратиться к изучению тех процессов, которые разворачивались в ядре и на периферии мир-системы модерна, то можно говорить о диффузной революции, когда радикальные настроения легко перемещались из одной страны в другую, формируя новые очаги городской герильи и молодёжного протеста. «В конце 1960-х гг. произошла мировая революция молодёжи, которая быстро и практически синхронно распространилась по континентам... <...> Пять стран были эпицентрами 68-го: США, Германия, Франция, Италия, Япония» [Пленков, 2023, с. 71, 82]. Эту синхронность довольно легко объяснить, если учитывать высокий уровень развития массовых коммуникаций. Тем не менее можно говорить и о том, что в разных странах события 1968 года развивались по-разному.

Как известно, формирование молодёжной субкультуры началось в США. Помимо её широкого распространения, основными факторами радикализации общественных настроений в США в 60-е гг. XX в. были: борьба с расизмом и ксенофобией, которая вылилась в массовое движение за гражданские права депривированных категорий населения, гражданское неповиновение и демократия участия, негативная реакция молодёжи и студенчества на войну во Вьетнаме, появление «новых левых», предлагавших альтернативные пути развития американского общества [Пленков, 2023]. В 1968 году в США проживало порядка 200 миллионов человек, 7,5 миллионов из них являлись студентами. При этом только 1,3 миллиона студентов поддерживали революционные идеи.

В Германии массовые выступления студентов не нашли широкой общественной поддержки, но позднее трансформировались в гораздо более жёсткие и кровавые формы сопротивления, включавшие в себя не только радикальную революционную риторику, но и терроризм. Это было своеобразное антиавторитарное восстание, которое растянулось на полтора десятилетия [Brown, 2014]. «Студенты клеймили своих родителей как соучастников и пособников нацистских преступлений» [Пленков, 2023, с. 331]. При этом разрыв в

ценностях конфликтующих поколений в Германии был наиболее высоким по сравнению с другими странами, охваченными революцией 1968 года.

Во Франции всё быстро началось и так же быстро закончилось (массовые демонстрации, баррикады, потасовки с полицией, сожжённые автомобили, разбитые витрины, утопические проекты самоорганизации и идеи учреждения нового социального порядка). При этом количество убитых было относительно невелико (около 7 человек, по различным подсчётам [Hewlett, 2018, p. 2]. Безусловно, «красные флаги и бесконечные студенческие митинги в Нантере и Сорбонне не были революцией в собственном смысле» [Пленков, 2023, с. 323]. Однако властями они воспринимались как серьёзная политическая угроза. Репрессии против студентов не давали желаемого эффекта, поскольку вызывали ответное массовое сопротивление [Hewlett, 2018]. Впрочем, ситуация довольно быстро нормализовалась, поскольку к радикальным переменам французское общество оказалось не готово. Смена власти и дальнейшая демократизация произошли в 1969 году путём референдума.

В Италии события начинались по французскому, а закончились по германскому варианту. Студенты возмущались низким качеством получаемого образования, нехваткой профессоров, «почти феодальной властью и полномочиями доцентов» [Пленков, 2023, с. 271]. Можно выделить три фазы студенческих протестов: начальную (с января 1966 г. по ноябрь 1967 г.), эскалации (с ноября 1967 г. по март 1968 г.) и затухания (с марта 1968 г. по сентябрь 1968 г.). Здесь также предпринимались попытки подключить к волнениям рабочих. В некоторых случаях дело дошло даже до временного захвата рабочими предприятий и попыток организации самоуправления. Однако в целом студенческие волнения начали стихать уже к осени 1968 г. Определённая часть итальянской молодёжи примкнула к левацким группировкам и встала на путь террора. Что здесь происходило в инициативном порядке, а что выступало проектом спецслужб, – вопрос открытый.

Несколько хуже изучена революционная ситуация в Японии. О.Ю. Пленков рассматривает послевоенную ситуацию, отмечая значительный рост левых настроений среди студенческой молодёжи, во многом обусловленный неприятием шовинизма, рецидивов имперского прошлого, а также послевоенной оккупации, превратившей Японию в верного сателлита США. Позднее к этому добавились протесты против войны во Вьетнаме, урбанизации и загрязнения окружающей среды. «В октябре 68-го в Токио развернулись настоящие бои между студентами и полицией» [Пленков, 2023, с. 423]. Постепенно массовые студенческие волнения в Японии сошли на нет, но деятельность отдельных радикальных молодёжных группировок продолжалась примерно до середины семидесятых годов прошлого века. В этом обнаруживается типологическое сходство японской городской герильи с ситуациями в Италии и Германии.

Заметим, что активными участниками событий довольно часто выступали молодые социологи и философы. Некоторые из них (И. Валлерстайн, П. Бурдьё, Дж. Арриги, Ж. Делёз, Ф. Гваттари) позднее стали учёными мирового уровня и отнюдь не отказались от идеалов времён своей мятежной молодости. В Италии одним из поводов студенческих волнений стала борьба за официальное признание социологии как науки. И эта борьба увенчалась успехом.

Специфика протестной идеологии

Важнейшей составляющей классических революций модерна была идеология. Нередко она драпировалась в религиозную форму и представляла собой актуализированную разновидность хилиастических народных утопий Средневековья и раннего Нового времени. Среди влиятельных революционных идеологий особо следует выделить различные версии либерализма и марксизма, под знамёнами которых осуществлялись демонтаж Старого порядка и учреждался порядок новый.

Однако в случае с революцией 1968 года мы можем говорить скорее о неклассической идеологии, которая носила эклектичный и диффузный характер. В её основе –

хаотичная мешанина идей и концептов, разработанных К. Марксом, М. Бакуниным, В. Лениным, Л. Троцким, А. Грамши, Д. Лукачем, Ги Дебором, Э. Че Геварой, Ф. Кастро, Мао Цзэдуном, Хо Ши Мином. В этом хаосе – сила и слабость протестной идеологии 1968 года.

Если осуществить морфологический анализ идеологического пространства субкультурной революции 1968 года, то можно выделить несколько взаимосвязанных тенденций:

1. Осуществлялись попытки синтеза марксизма с психоанализом и экзистенциализмом.

2. Шло конструирование новой модели желаемого общества, в основу которого были положены не столько идеи национализации средств производства или захвата политической власти, сколько идеи преодоления отчуждения.

3. Велось создание новой культуры. Высказывались мысли о том, что «изменения в культурной сфере должны предшествовать социальным и политическим трансформациям» [Gilcher-Holtey, 2008, с. 203].

4. Декларировался приоритет конкретных действий над организацией революционного движения.

5. Основной акцент делался на формировании нового субъекта революционных изменений. И это был отнюдь не пролетариат.

Пьянящее воздействие протестной идеологии порождало возможности для создания широкого революционного фронта, но лишь в краткосрочной перспективе. В среднесрочной перспективе это привело к расколу левого движения на множество течений сектантского типа, ведущих бесконечные теоретические споры, не способного к самоорганизации и сопротивлению. В долгосрочной перспективе можно говорить об упадке левого движения, которое перестало быть значимым фактором цивилизационной динамики.

Заметим, что революционная риторика 1968 года нередко носила провокационный характер и была обращена на критику мировоззрения не только господствующих классов, но и тех условных левых, которые попытались интегрироваться в капиталистическую систему. Наибольшее влияние на революционеров 1968 года оказали идеи Ж.-П. Сартра, В. Райха и Г. Маркузе. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: события 1968 года можно рассматривать одновременно как пик влияния марксистских и либеральных идеологий, так и в качестве своеобразного апофеоза безыдейности, театральных жестов и бессмысленных действий. Лидеры революции (например, Д. Кон-Бендит) вели себя крайне экстравагантно, вызывая раздражение и ненависть обывателей (что объединяет их с резонёрами и политическими клоунами эпохи постмодерна), но пользовались большой популярностью у революционного авангарда студенческой молодёжи.

Молодёжь довольно хорошо представляла то, против чего она протестует (чаще всего критиковались капитализм и американский империализм, особенно в связи с многолетней войной во Вьетнаме, которая благодаря телевидению ворвалась буквально в каждую семью). Не меньшую популярность имела тема скрытого нацизма и возможного тоталитарного реванша. Многие участники событий видели, что демократия в западных обществах носит имитационный характер (Франция). За её фасадом скрываются расизм, ксенофобия, свирепая полицейская диктатура (США). Бывшие фашисты и милитаристы «перекочевали» только на словах (Италия, Япония). Денацификация носила поверхностный характер (Федеративная Республика Германия). Некоторые наиболее одиозные военные преступники действительно предстали перед судом. Однако основная масса нацистов, фашистов и милитаристов, запятнавших себя преступлениями против человечности, избежала наказания. Демократическая форма скрывала антидемократическое содержание. Социальная стабильность создавалась путём массовой деполитизации и формирования потребительского общества. К этому следует добавить уже отмеченный нами межпоколенческий конфликт. Дети обвиняли родителей в конформизме, культурной неразвитости

и мещанстве. И эти обвинения во многом соответствовали действительности. Родители, в свою очередь, плохо понимали детей и совсем не разделяли их увлечённость политикой.

Как видим, причины для того, чтобы протестовать, у молодёжи имелись. Гораздо хуже обстояло дело с позитивной программой действий. Её, в общем-то, не было. Ядро молодёжи отождествляло себя с авангардом «третьего мира», испытывало чувство стыда за экономическую эксплуатацию бывших колоний и предлагала различные варианты сопротивления капитализму, начиная от эскапизма битников или хиппи и заканчивая созданием левацких коммун. Наиболее радикальные представители студенческой молодёжи предлагали открыть «второй фронт» в Западной Европе и США, однако эти идеи не получили массовой поддержки. Среди участников революции 1968 года было критически мало прагматиков и избыточно много идеалистов. Хватало здесь безыдейных, малообразованных молодых людей, бездельников и психопатов, склонных к аморальному образу жизни и всевозможным перверсиям. Подобные индивиды охотно примыкают к любой революции, особенно в ситуациях, когда резко ослабевает дисциплинарный контроль. Всё это свидетельствует о неклассическом, многовариантном, диффузном и субкультурном характере революции 1968 года. Довольно сложным образом здесь переплетались локальное и глобальное, случайное и закономерное, системное и субъектное, карнавальное и проектное. Хаос на улицах крупных городов был следствием хаоса в головах.

Заключение

В целом же революцию 1968 года можно рассматривать как первый в мировой истории массовый стихийный выход молодёжи, которая занимала активную гражданскую позицию и боролась за своё человеческое достоинство в обществе сытых. Романтики и бунтари хорошо понимали, против чего они борются, но довольно плохо представляли позитивные цели своей борьбы. Позднее кто-то из участников революции подался в хиппи, кто-то – в яппи, а кто-то превратился в яростных защитников капитализма, сделал карьеру или занял крайне правые позиции, осуждая грехи бурной молодости. Революция 1968 года породила новые массовые ожидания и не меньшее массовое разочарование.

События 1968 года наглядно показали, что классического модерна больше нет. В политическом смысле революция 1968 года потерпела полное поражение. Капитализм устоял. Гораздо более существенное последствие революции 1968 года заключалось в том, что под её влиянием произошла фундаментальная трансформация основных сфер жизнедеятельности и институтов позднего индустриального общества (экономики, политики, образования, науки, искусства), в результате чего сформировался новый тип глобальной цивилизационной динамики. 1968 год можно назвать тем рубежом, который знаменует собой начало перехода в постиндустриальное и посткапиталистическое общество. Изменились мораль, стилистика потребления, стратегии социальной адаптации и интеграции, возникли новые идентичности и культура отмены. На смену былого воодушевления пришли цинизм и экзистенциальное недоверие к любым политическим идеологиям. Стали ли люди после революции 1968 года свободнее и счастливее – это тот вопрос, на который сегодня мы не можем дать однозначного ответа.

Список литературы

- Аббасов Р.Г., Римский В.П. 2018. 1968 год: первая субкультурная революция. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, Социология, Право*, 43(3): 437–422.
- Гарр Т.Р. 2005. Почему люди бунтуют. СПб., Питер, 461 с.
- Мизеров И. 2022. Весна народов. Предыстория и ход европейской революции 1848–1849 годов. М., Наше Завтра, 534 с.
- Пленков О.Ю. 2023. «Революция» 1968-го: эпоха, феномен, наследие. СПб., Владимир Даль. 473 с.

- Трунов А.А., Рындін Е.В. 2020. Возможен ли капитализм без революции? *Наука. Искусство. Культура*, 1(25): 88–108.
- Шубин А.В. 2020. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М., Академический проект, 773 с.
- Bertelsen B.E., Rio K. 2019. 1968 and its other worlds: Global events and (anti-)state dynamics in France, Mozambique and Vanuatu. *History and Anthropology*, 30(5): 622–643. DOI: 10.1080/02757206.2018.1524759.
- Brown T.S. 2014. 1968 in West Germany: the antiauthoritarian revolt. *The Sixties: A Journal of History, Politics and Culture*, 7(2): 99–116. DOI: 10.1080/17541328.2015.1014172.
- Derluguian G. 2020. 1968/89: The Historical Peak and Fracture of Modernity. *Russian Politics & Law*, 57(3-4): 88–107. DOI: 10.1080/10611940.2020.1863058.
- Gilcher-Holtey I. 2008. The Dynamic of Protest: May 1968 in France. *Critique: Journal of Socialist Theory*, 36(2): 201–218. DOI: 10.1080/03017600802185332.
- Hendrickson B. 2018. Why do we still care about 1968? *The Sixties*. DOI: 10.1080/17541328.2018.1541663.
- Hewlett N. 2018. Disorder, les forces de l'ordre and the reordering of capitalism in May – June 1968. *Modern & Contemporary France*, DOI: 10.1080/09639489.2018.1437128.
- Müller J-W. 2002. 1968 as event, milieu and ideology. *Journal of Political Ideologies*, 7(1): 15–37.
- Sedlmaier A., Malinowski S. 2011. '1968' – A Catalyst of Consumer. *Society, Cultural and Social History: The Journal of the Social History Society*, 8(2): 255–274.

References

- Abbasov R.G., Rimskiy V.P. 2018. 1968 god: pervaya subkul'turnaya revolyuciya [1968: The First Subcultural Revolution]. *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy, Sociology, Law*, 43(3): 437–422.
- Garr T.R. 2005. Pochemu lyudi buntuyut [Why People Rebel]. St. Petersburg, Publ. Peter, 461 p.
- Mizerov I. 2022. Vesna narodov. Predystoriya i hod evropejskoj revolyucii 1848–1849 godov [Spring of Nations. The Prehistory and Course of the European Revolution of 1848–1849]. Moscow, Publ. Nashe Zavtra, 534 p.
- Plenkov O.Y. 2023. "Revolyuciya" 1968-go: epoha, fenomen, nasledie ["Revolution" of 1968: Era, Phenomenon, Legacy]. St. Petersburg, Publ. Vladimir Dal. 473 p.
- Trunov A.A., Ryndin E.V. 2020. Vozmozen li kapitalizm bez revolyucii [Is Capitalism Possible Without Revolution]? *Science. Art. Culture*, 1(25): 88–108.
- Shubin A.V. 2020. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923). Priliv [World Revolutionary Wave (1918-1923). Tide]. Moscow, Publ. Academic Project, 773 p.
- Bertelsen B.E., Rio K. 2019. 1968 and its other worlds: Global events and (anti-)state dynamics in France, Mozambique and Vanuatu. *History and Anthropology*, 30(5): 622–643. DOI: 10.1080/02757206.2018.1524759.
- Brown T.S. 2014. 1968 in West Germany: the antiauthoritarian revolt. *The Sixties: A Journal of History, Politics and Culture*, 7(2): 99–116. DOI: 10.1080/17541328.2015.1014172.
- Derluguian G. 2020. 1968/89: The Historical Peak and Fracture of Modernity. *Russian Politics & Law*, 57(3-4): 88–107. DOI: 10.1080/10611940.2020.1863058.
- Gilcher-Holtey I. 2008. The Dynamic of Protest: May 1968 in France. *Critique: Journal of Socialist Theory*, 36(2): 201–218. DOI: 10.1080/03017600802185332.
- Hendrickson B. 2018. Why do we still care about 1968? *The Sixties*. DOI: 10.1080/17541328.2018.1541663.
- Hewlett N. 2018. Disorder, les forces de l'ordre and the reordering of capitalism in May – June 1968. *Modern & Contemporary France*, DOI: 10.1080/09639489.2018.1437128.
- Müller J-W. 2002. 1968 as event, milieu and ideology. *Journal of Political Ideologies*, 7(1), 15–37.
- Sedlmaier A., Malinowski S. 2011. '1968' – A Catalyst of Consumer. *Society, Cultural and Social History: The Journal of the Social History Society*, 8(2): 255–274.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 20.03.2023
Поступила после рецензирования 20.06.2023
Принята к публикации 30.07.2023

Received March 20, 2023
Revised June 20, 2023
Accepted July 30, 2023

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Trunov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.